

КИСЛОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

Солнце давно поднялось над Большой Никитской, проникновенно заливая лучами крыши домов, недоступные людскому глазу. Небо над головой Чайковского простиралось бестрепетно и бескрайне, а внизу неизменно и вечно журчала шумная московская улица.

Петя вышел из консерватории, едва ли обратив внимание на живописность пейзажа; вчерашний день довлел и осел тяжелым грузом на душе.

Он вспомнил, как кричала, как плакала Аглая, и что-то внутри него снова встрепенулось: новость, которую она принесла ему, поразила его, раздавила и лишила способности здраво мыслить.

Подработок не хватало, деньги утекали, денег было катастрофически мало, и сейчас Петю вдруг охватил невероятный стыд за них, за неустроенный скудный быт. Жили они в Малом Кисловском переулке у его школьной учительницы, которая по доброте душевной уступила им комнату. Комната была хорошая, светлая, из окна открывался приятный вид. Впрочем, Петю это не утешало.

Он бегал с одной подработки на другую, пытался не слишком часто пропускать лекции, надо было разбираться с долгами. Ему было двадцать два, Аглае — двадцать, и у нее не было работы: Аглая училась и существовала одной лишь мечтой — стать примой.

Петя хотя и пиликал на скрипке, призвание у него было совсем другое — больше он любил писать свое, а не исполнять чужое. Но свое было никому не нужно, оно не ценилось, и потому, получая отказ за отказом, Петя старался не придавать этому особого значения.

Сегодня подработка самым неудачным образом отменилась, но домой он не торопился. Ходьбы было два шага, а потому он шел медленно, раздумывая, и не понимая пока, что настигнет их дальше.

Аглая ждала Петю, сидя у окна, она делала так всегда, приветствуя его, и он улыбался, глядя, как она машет ему из их светлой комнаты. Петя зашел, скинул пальто и подумал в очередной раз, как же славно было, что Нина Александровна, хозяйка квартиры, уехала на неопределенный срок и не стала свидетельницей их вчерашнего разговора.

Он вспомнил, как Аглая медленно успокаивалась, как прильнула к нему потом, а он не нашел в себе сил не ответить ей, ведь она так нуждалась сейчас в этой близости...

— Ты, должно быть, голоден, — спокойно, даже отстраненно сказала Аглая. — Пойдем.

«Как она могла всегда с таким смирением принимать их быт, — снова подумал он, — и не давась есть этот почти резиновый картофель?» Да, денег у них толком не было, новой подработки он лишился.

Аглая ждала ребенка, именно это стало вчера причиной ее слез. Она работала до бесконечности, отдавалась балету, не жалея сил, и вот теперь все должно было рухнуть в одно мгновение — теперь, когда ей была обещана главная партия в «Жизели», ее первая главная партия!

«Павловский никогда об этом не узнает», — подумала она, рассеянно глядя на Петю.

Павловский, саркастичный, чувственный Павловский, ее учитель, ее злой герой. Если только он узнает, уж он найдет на нее управу, он не оставит попытки ее приручить — Аглая не могла допустить этого. Она придет к нему во вторник так, словно бы ничего не произошло, она решит все сама — и решит быстро, потому что затягивать нельзя.

Аглая не испытывала к Павловскому ни любви, которая навек была отдана Пете, ни особенной ненависти — скорее, во всем ее существове, в ее отношении к нему была расчетливая, молчаливая покорность. Аглая жаждала пробиться на большую сцену, а болезненная страсть Павловского к ней была средством, с помощью которого Аглая добивалась желаемого. Они встречались не так часто, как ему бы хотелось, она мучила его, мучила неизвестностью и недосказанностью и в то же время была невыносимо покорна.

Как так случилось, что ее предусмотрительность дала осечку, Аглая не знала, но этого не должно было произойти: Жизель ждала ее, Жизель манила, и совсем скоро должны были начаться репетиции. Павловский добился для Аглаи главной партии. С самого начала своего пути она мечтала об этом!

За обедом Петя молчал.

— Как ты решишь, птичка, так и будет, — сказал он после.

Птичка — так он звал Аглаю; с первой встречи, наверное, это было первое слово, которое он сказал ей. Петя, чудесный, нежный, родной Петя, какие бы сомнения ни мучили его, какие бы мысли его ни посещали, он всегда поступал благородно, всегда уступал ей, в нем была какая-то детская уязвимость, детская робость, будто он любил свою птичку почти сыновней любовью.

— Ты когда-нибудь оставишь его? — спросил у нее однажды Павловский.

— Никогда. Я люблю его, — она пожалала плечами.

Да, Павловский знал, что она любит мужа, но его собственное упрямство не позволяло ему поверить, что она ни за что на свете не выберет его.

Аглая находила Павловского интересным, даже красивым мужчиной: в нем тоже была восхитительная балетность, которая привлекала ее в Пете, но что-то не позволяло Аглае приблизиться к Павловскому, почувствовать к нему хотя бы легкую влюбленность. Наверно, то была холодность, которая пронизывала весь его облик, а может быть, она настолько обожала Петю, что другому в ее сердце просто не было места...

Две недели она не заговаривала с Петей о произошедшем, казалось, в нем ничего не изменилось. Иногда по ночам, когда Аглая уже спала, Петя пытался представить, каково было бы иметь ребенка в этой маленькой светлой комнате, но что-то мешало ему выстроить картинку до конца, будто он знал, знал с самого начала: когда Аглая рассказала ему все, он почувствовал, что этому не бывать. Он, может быть, и хотел бы повлиять на нее еще в тот солнечный день, когда возвращался домой из консерватории, но страх потерять Аглаю из-за одного неосторожного слова сидел в нем и приказывал молчать.

Во вторник Аглая увиделась с Павловским, она вела себя как обычно.

«Как я несчастна, — думала она, — как несчастна я: приходя сюда каждый раз, предавала того, кого люблю больше всего на свете. И как несчастен Павловский, зная это. Петя, мой бедный маленький Петя!»

Ребенок был Павловского, она знала это с точностью. И этого не должно было быть.

В среду, спустя неделю, она вернулась домой какая-то бледная, с жестким выражением в глазах — Петя понял все сразу.

— Я все решила, Петенька, — сказала она, проходя на кухню, и, налив себе стакан воды, выпила его залпом. — Этот вопрос нас больше не побеспокоит. Никогда.

Никогда — так сказал врач. У Аглаи ничего не останется «на память» от Павловского. Так нужно. И от Пети теперь — тоже.

Петя подошел к ней, обнял ее сзади, уткнулся носом в шею, поцеловал. Внутри у него что-то перевернулось.

— Ты будешь танцевать Жизель, птичка? — спросил он только.

— Буду. Репетиции начнутся со следующей недели.

— Я хотел тебе сказать, что нашел работу за хорошие деньги — в оркестре. Сегодня утвердили. И «Сцены» мои взяли. Теперь у нас все хорошо будет.

Аглая кивнула, не оборачиваясь; она боялась, что Петя увидит ее слезы. Если бы он только знал!

А Петя, в свою очередь, ни за что, никогда в жизни не открылся бы ей — Аглая не простила бы его за малодушие. Он знал, он видел их однажды с Павловским у Большого — и понял сразу, почему она получила Жизель. Павловский был в Москве известной фигурой, о нем ходили разные слухи, а в действительности ему нужна была только Аглая.

Ребенок был не от Пети, не мог быть его, но он не винил Аглаю ни в чем. Петя полюбил ее с первой встречи, женился через два месяца, и с тех пор, вот уже больше года, она была его жизнью. Ему даже в голову не пришла мысль оставить ее, ведь она была его судьбой, его крестом — как и его высшее счастье, его наслаждение. Он простил бы ей любые грехи, только бы она не покидала его. Это была какая-то наивысшая степень любви, любовь-всепрощение, любовь-служение.

Петя не мог представить, чтобы в его жизни не было Малого Кисловского, не было Аглаи, не было этой маленькой светлой комнаты, ведь тогда это была бы уже не его жизнь, а какая-то чужая и далекая.

Да, Аглаю не за что было винить, так ему казалось, так он предпочитал думать, всеми силами оправдывая ее.

Петю исторгли из семьи из-за брака с ней, но он не сомневался, что в оркестр его устроила мать, что о его «Сценах» также договорилась мать — на таланты сейчас спрос был маленький. У Аглаи такой матери не было, зато был Павловский.

Она встретила с ним уже после — в последний раз.

— Я больше не приду, — сказала она твердо. — Если хотите забрать у меня Жизель, самое время сделать это сейчас, пока не начались репетиции.

Павловский смотрел на нее внимательно с каким-то нечитаемым выражением в темных глазах.

— Зачем же, — спокойно ответил он. — Эта роль — твоя. Вы заслуживаете друг друга.

«Ему больно, — подумала она, — но ведь ему тридцать восемь лет. К сорока, должно быть, люди умеют это скрывать».

Она хотела сказать, что, если бы не Петя, она любила бы его, но это было ложью.

Они переехали из Кисловского подальше, зато в собственную студию. Недели репетиций летели — не успеть! Премьера прошла успешно. Петя был счастлив и бесконечно целовал Аглаю в примерной.

У театра, уже на выходе, утопая в цветах и подарках, половина из которых точно была от Пети, Аглая увидела Павловского, он кивнул ей. Она узнала потом, что он ушел из академии.

Вернувшись домой после премьеры, они долго, словно нашедшиеся дети, сидели на диванчике в гостиной, прижавшись друг к другу, и молчали обо всем на свете. Только друг с другом могли они так молчать.

Под утро стало особенно жарко. Нагой Петя, отбросив покрывало, лежал рядом с ней, а она заново изучала его, изучала его худые, жилистые руки (одна покоилась вдоль тела, другую он положил под голову), его впалый живот и белое бедро, дальше переходящее (она не видела сейчас, но знала) в нежную округлость, его большой нос и смешной выразительный рот, его длинные ресницы и волосы, прилипшие ко лбу.

Родной, теплый, нежный Петенька! Если она и заслужила его, то только этим своим безудержным обожанием, которое после случившегося окончательно спростилось с ней. Она наклонилась к Петинуому лицу и поцеловала его в уголок рта — лишь для того, чтобы увидеть, как он улыбается ей во сне.

СТАРАЯ ВЕНА

Вена встретила меня легко, с привычной теплотой, как встречала всегда. Было уже десять часов утра, когда я переступил порог отеля на Зиверингерштрассе. Последний раз я был здесь год назад, и сопровождал меня тот же аляповатый чемодан, а в душе копошились все те же сомнения.

— Счастливо отдохнуть, — сказала мне жена, тоненькая, миловидная женщина, к которой я в последнее время был ненавязчиво равнодушен. Она была на два года моложе и на целую жизнь старше, мудрее, правильнее меня. Сначала это восхищало (наверное, в силу возраста и неопытности), теперь же стало надоедать. Мне хотелось равенства, хотелось полного, абсолютного партнерства, а жена словно была мне старшей сестрой, в которой не было нужды. Я поехал в Вену один — в последнее время мы не ездили в отпуск вместе.

Знакомый порттье приветливо улыбнулся, оформляя номер, так было год назад, так было всегда, казалось, я никуда и не уезжал. Какой-то француз встретился мне в лифте — кудри, еврейские глаза, тонкая линия усиков, на вид не больше двадцати. Разговаривал он весело, по-французски захлебываясь в словах. Так мы доехали до третьего этажа, вышли из лифта, двинулись вглубь коридора.

Пахло чем-то особенным, выразительным, как пахнет только в отелях. Француз кивнул мне и скрылся за соседней дверью — больше я не видел его, наверное, он уехал на следующий же день, но отчего-то это случайное пересечение в лифте подняло мне настроение.

В «Леопольде» я бывал не раз, но и теперь решил, так сказать, отдать честь. Передохнув и лениво отобедав в ближайшем кафе, я добрался на метро до музейного квартала — и теперь медленно бродил по залам, внимательно разглядывая картины.

Ничего интересного мне обнаружить не удалось и, задержавшись ненадолго перед одним из пейзажей Климта, дабы наглым образом подслушать разговор стоящей рядом парочки, я спустился в ресторан. Симпатичная официантка флиртowała со мной слишком откровенно, блюдо было слишком пресным — одним словом, утро первого дня в Вене не задалось.

Мне позвонил Эдди — мы договорились встретиться у Вотивкирхе в шесть вечера, немного пройтись и выпить. Эдди считался моим приятелем еще с университетских времен и вот уже больше года обитал здесь, непрерывно стеная и охая от местного жизненного устройства. Он не был женат, потому как это противоречило его природе, зато имел множество случайных романов — женщины, слетавшиеся на его деньги, как мухи на мед, были для него лишь средством слегка развеять тоску.

— Мне кажется, я скоро не выдержу, — скорбно сообщил он, когда мы сидели в баре. — Стоит только провести с женщиной одну ночь, как она уже рассчитывает на целую жизнь. Отвратительные существа!

Я засмеялся.

— И что мешает тебе завязать с ними?

— Дурость и разнузданность, — философски заявил Эдди.

С момента выпуска прошел не один год, но Эдди оставался верен себе. Его любящий науку ум, казалось, отказывался работать в обыденных житейских ситуациях.

— Помнишь, я говорил тебе по телефону, что ищу пару редких книг?

Эдди, уже успевший хорошенько угоститься, осоловело кивнул.

— Ты говорил о какой-то лавке...

— Помню, помню, — рассеянно ответил он, пытаясь сосредоточиться. — Да, я говорил о лавке на Штернгассе, это довольно далеко отсюда, тебе лучше отправиться туда завтра. Они специализируются на редких и антикварных изданиях.

— Спасибо, дружище, — я отсалютовал Эдди непочатым бокалом и залпом выпил все его содержимое.

Следующим утром, как и советовал мне Эдди, я отправился на Штернгассе, но добрался до лавки не без приключений — узкие улочки того района были, казалось, все на одно лицо, и я добрых полчаса блуждал в поисках заветной цели, поминутно вопрошая прохожих, которые на ломаном английском пытались объяснить дорогу, но только еще сильнее запутывали меня. Когда я подошел наконец к высокой зеленой двери, ведущей в условный и долгожданный рай, я не ждал уже от этого визита ничего хорошего.

Обстановка внутри напоминала старинный двухэтажный магазин, снизу доверху наполненный книгами.

— Добрый день, — раздался со второго этажа звонкий женский голос, показавшийся мне знакомым. — Вы проходите, я сейчас спущусь.

Я прошелся вдоль стеллажей. Через минуту передо мной предстала хорошенькая женщина. Я, конечно, узнал ее.

— Дуглас! — воскликнула женщина. — Дуглас, я так рада тебя видеть!

Я хотел сказать ей, что тоже очень рад, но слова не шли. Глядя на ее фигуру, обтянутую длинным кружевным платьем, на ее короткие рыжие волосы, открытое миловидное лицо и белые руки, держащие стопку книг, я тщетно пытался увидеть в ней ту самую девочку Диту, которую любил в старшей школе. Казалось, в ней не осталось ничего от той барышни, только улыбка, такая же задорная и смелая, и взгляд, будто бы полный легкой печали, говорили, что и Дита, подобно мне, вернулась на какой-то миг в давно забытое прошлое.

— Ты ищешь что-нибудь или просто зашел повидаться? — мягко спросила она.

— Ищу, — я протянул ей небольшой список, который со всей тщательностью составил перед отъездом. — Признаться, я не ожидал, что встречу тебя здесь.

Она взяла листок. Я огляделся вокруг. Обилие книг, дубовых шкафов и стеллажей отчего-то навевало на меня тоску, будто прежняя Дита затерялась именно здесь, и сейчас пряталась где-нибудь за томиком антикварного издания Рильке.

— Это твоя лавка? — зачем-то поинтересовался я.

— Моя с мужем, — сухо, как мне показалось, ответила она. — Я проверю сейчас наличие нужной тебе литературы.

И она ушла вглубь к деревянной стойке, на которой находился компьютер.

Новость о ее замужестве не удивила меня, ведь прошло столько лет (у меня самого теперь была в доме женщина, которую я терпел по непонятной причине), но все же странное чувство, будто Дита не имела права выходить замуж и жить полной жизнью после нашей любви, не давало мне покоя.

— Третьей и четвертой книги, боюсь, у нас нет, — сказала Дита, возвращаясь ко мне, — но я спрошу сегодня у Герхарда, можно ли будет их достать в ближайшее время. Ты надолго в Вене?

— На пару недель. Буду очень благодарен, если удастся их заполучить, — я улыбнулся. — Ты все время проводишь здесь?

Она уже поднималась по витой лесенке на второй этаж, чтобы взять остальные книги, но здесь оглянулась и внимательно посмотрела на меня.

— Думаешь, я променяла успех, который могла бы заполучить дома, на работу в книжной лавке? — Дита рассмеялась. — Как, должно быть, тебе хочется доказать, что мой отъезд был напрасен!

Я почувствовал себя уязвленным из-за того, что она слишком хорошо знала меня.

— У меня небольшой отпуск в оркестре, и я люблю проводить время здесь, когда появляется возможность. С книгами никогда не бывает скучно — и они никогда не предают.

Здесь она замолчала, будто заметив что-то позади меня. Я оглянулся. Пухленький мальчик лет восьми вбежал в лавку; на лбу у него красовалась ссадина.

— Мама, мама, Томас опять лезет драться, — плаксивым голосом заявил он, всхлипнув пару раз для пущей убедительности.

Дита бросилась к нему.

— Не придумывай, дорогой, я прекрасно знаю, какой ты сам задира! А Томасу скажи, если еще хоть раз тронет тебя, не получит больше ни одной книжки.

Видимо, подобные случаи были здесь делом привычным, поскольку Дита мгновенно достала из ящика деревянной стойки салфетки, обработала мальчику его боевую рану и плотно заклеила ее пластырем.

— Какое безобразие, Мути, — продолжала она, — такой большой мальчик — и все бежит к маме жаловаться, — она погладила его по голове.

Мути зажмурился от удовольствия, словно котенок.

— А папа говорит, что я еще совсем маленький, — невозмутимо парировал он. — Маленький и несмышленный.

— Будто этому твоему папе можно верить, — насмешливо сказала Дита.

— Ты папу не любишь, — надулся Мути.

— Люблю. Просто вы с ним одинаковые — маленькие и несмышленные. Ну все, беги, видишь, у меня посетитель, а ты даже не поздоровался.

Мальчик показал ей язык и, довольно хохоча, выбежал прочь.

— Совершенно неуправляемое создание, — вздохнула Дита. — От каждой встречи с Томасом у обоих то синяки, то ссадины. И ведь не разлей вода, ничего не поделаешь, — она слегка улыбнулась. — Я сейчас найду тебе то, что есть, а завтра позвоню, если узнаю что-нибудь о тех двух экземплярах.

Я оставил ей свой номер.

Когда я ехал обратно, вагон был полупустой, поезд то углублялся в туннель, то выныривал обратно, и тогда моему взору открывались серые мосты, покрытые безвкусными каракулями, а над мостами возвышались устремленные в небо верхушки громадных домов, и казалось, что сейчас они со всей силой обрушатся вниз, на вагон.

Встреча с Дитой не шла у меня из головы. Надо же было кому-то свести нас снова, спустя столько лет после болезненного расставания! Мне хотелось знать, счастлива ли она с мужем, будто от ее мучений я бы почувствовал себя лучше.

Я любил ее снова, а может быть, никогда и не переставал.

«Почему она уехала? — спрашивал я себя, словно ответ был где-то поблизости. — Почему я не поехал за ней?»

Как я тогда разозлился, посчитав, что она предает меня, теперь мое негодование казалось мне нелепым. Я смотрел, как мелькают за окном мосты и дома, и впервые за день вспомнил, что не звонил жене со вчерашнего утра. Конечно, она догадывалась, что дело шло к разводу, и сама не беспокоила меня, но сейчас мне захотелось вдруг услышать ее голос, рассмешить ее или даже бросить короткое «целую» в трубку, будто это могло спасти и даже в какой-то степени отомстить Дите.

Уже вернувшись в отель, я позвонил жене, но все получилось иначе: ее голос раздражал меня, и наш разговор длился всего пару минут. Следом я набрал Эдди, но тот был чрезвычайно занят с очередной жертвой своей любвеобильности. Мы договорились встретиться завтра. До вечера я промучился над книгами, которые приобрел в лавке Диты, но вряд ли понял хотя бы строчку.

Гуляя по Kunsthistorisches Museum* на следующий день в компании Эдди, я едва слушал его развязную болтовню, телефон в кармане не подавал признаков жизни. Дита, верно, забыла обо мне.

«Конечно, когда ей заботиться о призраках прошлого! — поддел меня внутренний голос. — У нее столько дел, только у тебя хватает времени на всякие идиотические страдания».

Однако я был неправ, она позвонила мне следующим утром.

— Дуглас, прости, у меня все вчера вылетело из головы! Мути опять подрался, а у Герхарда вечером был поезд в Будапешт, и мы собирались целый день. Он обещал посмотреть те книги.

— Я рад, — непростительно сухо ответил я. — Вы целый день собирались в Будапешт? И надолго он уехал? — наверное, последний вопрос прозвучал некорректно, но Дита не обратила на это внимания.

— На неделю, — голос ее звучал весело. — Какой-то форум искусств, который он не может пропустить. Ты просто не знаешь Герхарда, он взял с собой два огромных чемодана! — она рассмеялась.

Ее муж нравился мне все меньше.

— Слушай, я только что отвезла Мути в школу — и теперь мне нечего делать. В лавке сегодня будет помощник. Выручишь? Очень хочу услышать, как твои дела. Ты где сейчас?

Я ответил.

— Вот и отлично, я подъеду в течение часа. Договорились?

Мне не хотелось встречаться с ней, и одновременно я многое отдал бы, чтобы увидеть ее еще раз. Я согласился.

Не совсем было ясно, зачем Дита позвала меня на встречу, отчего вдруг я стал ей так интересен. Может быть, она сейчас чувствовала то же, что и я. Может быть, и ей захотелось воскресить ненадолго то, что мы однажды пережили?

Как бы то ни было, мы встретились у музея и прошли пешком до Штефансплатц, где решили выпить кофе. Я рассказал ей немного о студенческих годах, о работе, о жене, явно приукрасив свое бесцветное семейное существование.

Жизнь Диты показалась мне чередой удач. Она вышла замуж спустя год своего пребывания в Вене. Герхард был искусствоведем, преподавал в университете (я

---

* Художественно-исторический музей (нем.).

сделал вывод, что он, ко всему прочему, происходил из весьма состоятельной семьи). Дита занималась с Мути музыкой, надеясь, что он пойдет по ее стопам, хотя, как считала она сама, сын проявлял большее рвение к литературе и дракам с Томасом.

— Когда я на работе, мне все время хочется домой, — шутливо пожаловалась Дита. — Но дома я бываю одна, Мути в школе, муж — в университете, и тогда мне снова хочется в оркестр. Вот такая я беспокойная душа, — она улыбнулась.

Я слушал ее и думал о том, что однажды ее уютный мирок непременно рухнет, словно карточный домик, мне даже хотелось, чтобы он рухнул, и рухнул обязательно из-за меня. Мне хотелось, чтобы она вместе со мной снова окунулась в те времена, когда нам было так хорошо вдвоем, чтобы она забылась и отдалась мне. Мне хотелось осквернить эту женщину, ее правильную и даже скучноватую жизнь, и хотелось показать ей, что эту самую жизнь можно разрушить навсегда одним непринужденным движением, будто хрупкий хрустальный шар.

Мы еще долго гуляли, пока Дита не сказала, что ей пора забирать сына.

— Обычно это делает няня, но сейчас у меня отпуск. Мы хотели еще по дороге зайти в кондитерскую, Мути обожает лакомиться пирожными после школы.

— Вот почему он такой пухленький мальчик, — улыбнулся я.

— С возрастом это пройдет, Герхард был таким же.

Я посмотрел ей в лицо, и мне показалось, что при этих словах в ее глазах промелькнула нежность. Это длилось всего секунду.

— Ты знаешь кого-нибудь в Вене, кроме меня? — спросила Дита.

Я соврал, сказав ей, что не знаю ни души.

— Мы завтра празднуем день рождения Жана, приходи, если хочешь. Адрес пришлю.

— Приду, — только и ответил я в надежде, что уж на вечеринке мне удастся уединиться с Дитой.

Я проводил ее до трамвайной остановки. Глядя, как Дита с улыбкой машет мне из окна, я думал, что она снова любит меня.

Жаном оказалась хорошенькая девушка лет двадцати трех в коротком черном платье и с ежиком на голове. Дита сказала, что они работают вместе. Весь вечер от Жана не отходил какой-то долговязый парень, и я даже видел, как они целовались на веранде.

В середине вечера Жан подошла ко мне.

— Вы и есть тот самый Дуглас? — спросила она.

— Да, а как вы это поняли?

— Вы единственный здесь, кто мне неизвестен, — она пожала плечами. — Зря вы пришли. Дита говорит, вы до сих пор без ума от нее.

Я почувствовал себя почти оскорбленным.

— Простите, но, боюсь, это касается только меня и Диты.

— Как вы неправы, молодой человек, — сказала Жан насмешливо, хотя разница в возрасте между нами составляла лет десять — и явно не в ее пользу.

— Не знаю, зачем она вас пригласила. Возможно, вы интересны ей как трофеем. У Диты уже есть двое мужчин, которых она любит больше жизни, и вы не станете третьим... Да, кстати, вы забыли меня поздравить, ну да я не в обиде.

И Жан ушла — эта не женщина и не мальчик; ушла, а я остался наедине с ее жестокими словами, которые, подобно набату, грохотали у меня в голове. Я хотел найти Диту, чтобы попроситься и уйти, но она сама нашла меня — с усталой улыбкой на губах и полупустым бокалом в руке.

— Посидим где-нибудь в укромном месте, — предложила она, — у меня от всех этих разговоров разболелась голова.

Мы сели на лесенке, ведущей на второй этаж; здесь голоса гостей звучали более приглушенно.

— Я уеду через полчаса, — сказала Дита.

Она сидела совсем близко, и мне вдруг нестерпимо захотелось поцеловать ее. Я вспомнил, как мы целовались украдкой на школьном дворе и как она сбежала из дома, чтобы повидаться со мной.

— Почему? — спросил я.

— Уже восемь. Я обычно читаю Мути перед сном, а иначе он не засыпает.

— Без чтения или без тебя?

— Надеюсь, что без меня, — ответила она. — Он так быстро растет и когда-нибудь совсем перестанет во мне нуждаться. Что я стану делать?

— В глубине души ты знаешь, что это неправда. Он никогда не перестанет нуждаться в тебе.

Дита слабо улыбнулась, на секунду мне показалось, что она разделяет мое мучительное одиночество.

Я вдруг подумал, что ее муж мог уехать в Будапешт совершенно по другой причине, и если она это подозревает, то непременно захочет отомстить. Я даже готов был стать орудием мести, лишь бы Дита досталась мне. Я вдыхал ее запах — запах вина, парфюма и еще чего-то незнакомого. Несколько минут назад я мог поклясться, что сохранил воспоминания обо всем, что мы пережили, но сейчас она словно была мне чужой. Я наклонился и коснулся губами ее шеи, как делал когда-то (наверное, то было в другой жизни). Дита резко поднялась, а я остался сидеть на ступеньке, будто в ожидании казни.

— Я думала, мы хорошие друзья, — сказала она тихо.

Я не ответил. Мы вместе вышли из дома, но она ни разу не посмотрела на меня, я чувствовал себя обманутым и уязвленным.

Дита поймала такси, я помог ей сесть, но она даже не попрощалась. Еще несколько минут после того, как ее унес прочь от меня большой черный автомобиль, я стоял неподвижно и думал, что умудрился потерять ее дважды, хотя ни разу по-настоящему ею и не обладал.

Пять дней после той вечеринки я прожил, как во сне. Казалось, даже когда я потерял Диту впервые, мне не было так больно. Я бесцельно бродил по улочкам старой Вены. Любимый город, в котором я бывал так часто, словно исторг меня, предал, забыл о моем существовании. На меня никто не обращал внимания, никто ни разу не посмотрел в мою сторону — и даже те, к кому я обращался сам, ни разу мне не улыбнулись. Я стал невидимкой, бесполезным существом, отвлекающим город и его обитателей от дел насущных. Каждый день я проходил мимо Чумной колонны к Штефансплатц — там, где мы гуляли с Дитой. Еще недавно я был так счастлив из-за ее близости, ее звонкого голоса, а теперь одна неосторожность отобрала у меня радость ее видеть.

Я подумал, что был невероятно глуп, когда не стал искать ее и не последовал за ней много лет назад, она уехала после нашей ссоры, а дурацкая юношеская гордость не позволила мне даже набрать ее номер. Я решил, что забуду Диту со временем. Так и получилось, пока мы не встретились снова.

Она все-таки позвонила мне, хотя я был уверен, что этого уже никогда не случится.

— Я нашла для тебя книги, которые ты хотел заполучить, — сказала она сухо. — К сожалению, сегодня в лавке меня не будет, но ты можешь подъехать по домашнему адресу.

Я готов был сойти с ума от восторга, что Дита помнила о своем обещании и даже пригласила меня к себе, но мой пыл сошел на нет, едва я обнаружил, что она попросту не хочет — или боится — остаться со мной наедине. Дверь мне открыла, по-видимому, няня или экономка. Дита сидела в просторной гостиной с книгой в руках, а ее сын примостился рядом с ней, зарывшись носом в ее платье. Когда я переступил порог комнаты, он приподнялся и тихо поздоровался, я передал ему коробку марципановых конфет, и он, поблагодарив, посмотрел на меня с недоверием маленького зверька.

Дита улыбку мне вежливо, как, должно быть, улыбалась любому клиенту, она встала с дивана и прошла к широкому дубовому столу, на котором лежали те самые книги. Я посмотрел их, полистал и хотел уже заплатить, но она сказала, что это подарок.

— Мы вряд ли увидимся снова когда-нибудь, и мне хочется сделать тебе приятное, как старому другу.

Она подчеркнула последнее слово. Я смотрел на нее и не понимал, что она чувствует сейчас, вежливая улыбка застыла на ее губах, а в глазах ничего невозможно было прочесть. Я надеялся только, что она сожалеет о нашем расставании — и о том, что могло бы случиться между нами, если бы она была свободна.

На следующее утро я все-таки зашел в лавку. Мне хотелось убедиться, что Дита не держит на меня обиды, ее слова о том, что мы вряд ли увидимся снова, очень меня огорчили. Но в лавке ее не было.

Из второго зала мне навстречу выплыл щеголеватый типчик в очках на широком носу. Я сначала отчего-то принял его за помощника, но потом вспомнил, что мельком видел на столе у Диты фотографию ее мужа с крошечным сыном на руках. Герхард смотрел на меня со скучающим видом, словно на муху, волей случая залетевшую в его обитель, он будто ждал, когда же эта муха наконец перестанет докучливо жужжать — и никак не мог решить, прихлопнуть ее или все же позволить ей улететь восвояси.

Чувствуя себя крайне неудобно, я взял несколько книг наугад с ближайшей полки; одной из них был тот самый томик Рильке, на который я обратил внимание еще во время своего первого визита. Оплатив, я продолжил задумчиво прохаживаться вдоль полок, мне хотелось дождаться Диту, хотя она могла и вовсе не прийти. Взгляд ее мужа из скучающего превратился в подозрительный.

— Простите, вы ждете кого-то? — выдал он и воззрился на меня, как удав на кролика.

— Вы знаете, я — старый друг вашей супруги, — повторил я ту самую фразу, которой только вчера Дита окрестила наши отношения.

— Так вы, должно быть, Дуглас, — ответил Герхард и насмешливо улыбнулся. — Она скоро придет.

Значит, она ему рассказала. Я смотрел на этого мужчину и не мог поверить, что Дита любит его. В моих глазах он являлся счастливым обладателем всего, в чем мне было отказано: ее любви, ее жизни, ее тела — и ее ребенка. Я считал его вором, который бесцеремонно украл то, что могло — и должно было — принадлежать мне. Я представил вдруг, как она занимается любовью с этим отвратительным, по моим представлениям, мужчиной, как эта любовь превращается в борьбу двух обессиленных от жажды тел и как Дита целует его после, вся разморенная и счастливая, та Дита, которую я рисовал в своих мечтах, когда мне было семнадцать, и которой никогда, в сущности, не знал.

Когда она зашла в лавку, эта тошнотворная картина так и стояла перед моим взором.

— Дуглас, не ожидала тебя здесь увидеть, — она улыбнулась своей вчерашней улыбкой, в то время как Мути бросился к отцу, тот подхватил его, закружил, и они оба засмеялись.

— Я зашел попрощаться, — сказал я просто.

— Уже уезжаешь? — будто удивилась Дита.

— Мне нечего здесь больше делать.

Это было правдой, после произошедшего мое пребывание в Вене стало почти невыносимым.

Она протянула мне руку. Я пожал ее.

— Желаю тебе всего хорошего, — сказала Дита тем самым тоном, которым обычно говорят с незнакомцами.

Очарование нашей встречи и того дня, когда мы вместе гуляли по городу, окончательно разрушилось. Я кивнул ее мужу и вышел из лавки.

Оглянувшись в последний раз, я увидел, как они стоят втроем обнявшись, потом муж поцеловал Диту, и Мути захихикал. Она смотрела на них обоих с невероятной нежностью, и я почувствовал, что она действительно любит Герхарда и необыкновенно счастлива с ним, хотя я и не мог понять ее выбор.

Из отеля я позвонил Эдди и сообщил к его вящей радости, что поеду с ним в Зальцбург, уж больно он не хотел разбираться с делами один. В последний раз оглядев номер, я собрал вещи и как-то особенно тепло поблагодарил за все портье, а потом стоял еще несколько минут, прощаясь с этим внушительным белым зданием.

Целый день я бродил по городу, спускался в метро, сам улыбался прохожим, заглядывал в любимые места, что-то подсказывало мне, что я больше никогда не найду в себе сил сюда вернуться.

